

Пропасть между измерениями

Он почувствовал магию. Мощную магию. Самая могущественная магия. И она была подвластна смертным, что было странно. К этому добавилось условие вечности. Внутри ощущалась концепция возрождения.

Путь, по которому она шла, был еще более странным. Но его это мало волновало. Оно желало лишь дремать, отдыхать и спать, хотя это было невозможно, когда Великий Красный нарушал его покой.

Лениво отклонив набегающую магию, оно направило ее на Великого Красного. Магия безвредно отскочила от Великого Красного, но теперь ее направление изменилось. Великий Красный, казалось, не заметил разницы.

В конце концов, это была обычная смертная магия, не стоящая их внимания.

XXXXX

Рай и Чистилище находились на противоположных концах спектра. Пробудившись впервые за вечность, Джейми Даркблайт задумался о том, не попал ли он в место, где и то, и другое - одно и то же.

Комната, в которой он находился, была огромной. Большая и роскошная, как будто он находился в каком-то особняке. К длинным цилиндрическим трубкам из стекла были прикреплены светильники, работающие на основе какой-то совершенно незнакомой ему магии.

Над головой висело нечто, похожее на детскую игрушку, правда, очень грубую и откровенно сексуальную, со спиралевидными фигурками мужчин и женщин в разных сексуальных позах.

Он не мог представить себе никого, кто был бы настолько в здравом уме, чтобы считать такое подходящим для ребенка.

Потом он вспомнил свое детство в замке Эвер-Блайт и начал припоминать, что в огромном, огромном мире и вправду было немало по-настоящему безумных людей.

Он лежал в своеобразной кроватке, оформленной в насыщенных черных и красных тонах, и, что еще более проблематично, был маленьким.

Вернее, он был младенцем. Его собственные магические способности подсказывали ему, что он младенец.

Это очень не понравилось Джейми.

Вопреки мнению многих, Джейми Даркблайт не любил детей. Они не были красивыми в любом смысле этого слова. Они были безнадежны без других и безгранично наивны. Они были абсолютно эгоцентричны и еще не обрели ничего, напоминающего душу, в которую можно было бы заглянуть, чтобы найти внутреннюю красоту.

Они были шумными, крикливыми, отнимали много времени, были грязными, вонючими и не служили никакой практической цели в качестве самостоятельной сущности, пока не проходило несколько лет инвестирования в них и их роста.

Однако ему нравилось родительство. В самопожертвовании была своя красота. Ему нравилось

детство. В невинности, прямоте и любознательности ребенка, который начинает задавать вопросы и изучать мир, формируя свою личность и закладывая основы своей души, была своя красота.

Была красота в юном парне, впервые переживающем влюбленность и борющемся с чувствами романтической склонности. Была красота в юной девушке, узнающей свое место в мире, кому доверять, как любить и быть любимой, и во всем том хаосе и великолепии, которые происходят при переходе от девушки к женщине. Однако кое-что было иным. У него появились новые черты, которых, как он был абсолютно уверен, у него раньше не было. К его спине были прикреплены два маленьких, почти изящных крыла, похожих на крылья летучей мыши. Они появлялись и исчезали по одному лишь мысленному приказу.

Они казались слишком маленькими и непрактичными, чтобы быть полезными. Однако по малейшей мысленной команде он взмахнул крыльями.

Он начал подниматься.

Он моргнул. Один раз, потом два, чтобы убедиться, что глаза его не обманывают. Действительно, он парил. Он мысленно приказал себе подняться вверх и поднялся, мысленно приказал себе полететь налево и действительно полетел налево.

Это было сродни использованию грубой и нерафинированной версии заклинания «Полет».

Эта мысль заставила его на мгновение задуматься. Теперь он уже не приказывал себе подниматься и лететь налево, а стал приказывать своему телу, словно под действием заклинания «Полет».

Эффект был мгновенным. Он кружился, взвивался, нырял, кувыркался и делал сальто в воздухе, крутился, делал пируэты и танцевал на цыпочках, стоя на пустом месте.

Крылья на спине, по сути, давали ему возможность летать по своему желанию. Это было... уникально. Он мог насчитать лишь несколько двуногих существ с такой способностью, и ни одно из них не было похоже на рогатых и сердцехвостых тифлингов.

Подождите. Сердце-хвост?

И в самом деле, он пошевелил перед собой черным хвостом, конец которого и в самом деле напоминал маленькое тонкое сердце. Его брови сузились в замешательстве.

Не успел он задать вопрос, как дверь в комнату открылась.

«Теперь у меня есть как раз нужное количество специального сока для моего растущего маленького...»

Джейми замер в воздухе.

Вошедшая женщина замерла так же, как и он, заметив, что он парит над своей кроватью, опираясь лишь на воздух.

Его дыхание тут же перехватило в горле. Боже правый! В этот момент он вздрогнул от боли, но проигнорировал ее, чтобы насладиться открывшимся перед ним зрелищем. Вошедшая женщина не походила ни на одну из тех, что он видел в Забытых Королевствах.

Ее кожа была такой же светлой, как у эльфов, а волосы - черными, как бесконечный водопад чистых чернил. Глаза ее были красными и светились розовым по краям, а лицо - точеное, словно в форме сердца, без единого изъяна или недостатка.

Ее тело было сладострастным. Ее груди были полными и упругими, круглее, чем у любой другой женщины, которую он когда-либо видел, и его мозг изо всех сил пытался это понять. Ее талия была гладкой и тонкой и казалась невозможной при таком размере груди. Бедра у нее были объемными, но ничуть не толстыми, а одета она была лишь в простой черный фартук с надписью «Трахни повара».

Боже мой...

В голову снова ворвалась короткая резкая боль, которую он не стал игнорировать, поморщившись от ее последствий.

Женщина перед ним отреагировала с готовностью, ее голос издал пронзительный крик...

Ликования?

«Мой малыш - гений! Гений! О, я не могу дождаться, чтобы утереть нос этим уродам! Умеет летать, и всего в два дня от роду!»

Она подхватила его на руки, и только сейчас до него дошло, что у нее тоже есть пара крыльев. Однако вместо кожистых и похожих на крылья летучей мыши они были длинными, вытянутыми и полными, скорее птичьими, несмотря на явное отсутствие перьев.

У женщины, стоявшей перед ним, тоже был хвост, но гораздо длиннее, чем у него, а сердцевина на конце хвоста была большой и полной, а не тонкой и гладкой. Джейми готов был поклясться, что сердце на хвосте пульсировало, когда она двигалась и кружилась с ним на руках.

«Ты - мой билет на вершину мира!»

В глазах женщины светились знакомые Джейми эмоции:

Амбиции. Жадность. Гордость.

Он не чувствовал в ней ни одного из типичных материнских чувств, которые можно было бы ожидать от родителя к ребенку. Ни теплоты. Ни глубокого чувства любви и привязанности.

Джейми заглянул в глаза женщины и почувствовал глубокое и безграничное разочарование.

Его новая мать не была красивой женщиной.

Ее тело было самым безупречным из всех, что он когда-либо видел, но ее душа?

От ее души исходила волна за волной одна лишь жадность и амбиции. Для нее он не был ребенком. Он был средством достижения цели. Существо, рожденное лишь для того, чтобы удовлетворить ту или иную ее амбицию.

Джейми уже ненавидел ее.

Она напоминала ему его отца, лорда Мальфаса Даркблайта. Темный, Приносящий Свет, Пожиратель дней. Последний противник, вставший на пути Лайтбрингера. Безумный чародей

стремился объединить Девять Адов со всеми королевствами, чтобы доказать свою преданность Асмодею и поработить мир своей армией извергов. Человек, у которого Джейми родился как сын его самой дорогой рабыни - запятнанной королевы эльфов Эль'Виа Авроры III.

Он помнил, как отец заявил, что он родился с великой мистической силой, и заставил его обучаться колдовству в замке Эвер-Блайт. Он вспомнил короткие дни детства, когда вокруг него не было ничего, кроме уродства и некрасивости. Дни, когда дом был полон богатства, но не красоты, силы, но не великолепия.

Он с горечью вспоминал, как прекрасная эльфийская королева, его мать, смотрела на него с отвращением, словно он был неприглядной кучей экскрементов, на которую она случайно наступила. Дни, когда его прекрасная мать смотрела блестящими глазами в пустоту, а его отец скакал на ней и хрюкал, поглощенный собственным удовольствием и не заботясь о ее боли и страданиях, и уродство его действий и ее пустого, бездушного выражения навсегда запечатлелось в его памяти.

Джейми ненавидел эти дни.

Он ненавидел страдания своей матери. Он ненавидел эгоцентризм своего отца. Он ненавидел то, как отец пытался сделать из него своего преемника, а мать могла смотреть на него только как на отвратительного ребенка, рожденного от ее вынужденного союза без любви...

По шкале соответствия Джейми никогда бы не стал считать себя хорошим. Однако он никогда не стал бы таким злом, каким был его отец. По крайней мере, он бы позаботился о том, чтобы его мать наслаждалась их сексуальными контактами, и постарался бы сделать все возможное, чтобы она была по-настоящему счастлива и способна любить его.

Он сделал бы все, чтобы такая красивая женщина не покончила с собой так бесцеремонно.

«Глупая», - сказал его отец, обнаружив ее распростертой на полу спальни с бутылкой яда.

Лорд Мальфас Даркблайт не считал нужным устроить ей достойное погребение. Вместо этого слуги его отца оставили труп матери себе, чтобы осквернять его по своему усмотрению, и тот ничего не сделал, чтобы помешать этому.

В ту ночь Джейми совершил свое первое убийство. Он похоронил то, что осталось от матери, в ее саду - ее единственное утешение - и сбежал из замка Эвер-Блайт.

Он вернулся лишь двадцать два года спустя за головой своего отца.

Простое воспоминание об этом испытании наполняло его глубоким чувством горечи. С тех пор прошло девяносто лет, и Джейми посчастливилось - или повезло - прожить всю жизнь с матерью, а не с отцом. Он был редкой аномалией, поскольку был тифлингом, который старел, как эльф.

Но все это было в другой жизни. Жизнь, в которую он вряд ли сможет вернуться.

Именно поэтому он не хотел, чтобы его вторая жизнь пошла по тому же пути, что и первая. Он успокоил свои эмоции, когда женщина закружила его, и попытался, как всегда, найти положительные стороны в этой новой ситуации.

Его новая мать была очень амбициозной и выразила радость по поводу его способности летать. То, как она сформулировала свою фразу, и тот факт, что она тоже могла перемещаться по

воздуху без влияния гравитации, наводили на мысль, что умение летать - обычное явление для их расы, а вот способность делать это вскоре после рождения - нет.

Довольно удачно, что она говорит на общем языке.

Действительно, он был рад хотя бы этому. Судя по надписи на ее фартуке и языку, на котором она говорила, это был общий язык Забытых Королевств. Он не мог уловить ни акцента, ни понять, где она находится, ни, что еще важнее, где находится он.

«О, точно, я должна тебя накормить!»

Накормить? Конечно, вы же не имеете в виду...

Джейми Даркблайт, Истребитель Блайтов, Кровавый Бард из Лайтбрингера, попытался дать всевозможные опровержения, которые в итоге превратились в бессмысленное мычание и блеяние. В конце концов он не смог вырваться из рук женщины, отлетев в сторону, и ему оставалось лишь наблюдать, как его «мать» выставляет из-под фартука правую грудь и с ожесточением впивается в его губы затвердевшим соском.

Ему не было стыдно, ведь стыд - это эмоция, которую он редко испытывал. Ему не было стыдно, потому что он уже давно поборол чувство смущения, приняв себя.

Вместо этого основной причиной, по которой Джейми пытался сопротивляться грудному вскармливанию, помимо того, что он был сто восемнадцатилетним мужчиной в теле младенца, было опасение, что ему это понравится.

Он боялся, что найдет в этом красоту, а значит, это вызовет в нем что-то такое, что добавит еще одну книгу в бесконечную библиотеку его разнообразных сексуальных вкусов.

Он почти представлял себе, как старый клирик Лайтбрингера Игнац смеется над его затруднительным положением. Конечно, кто бы поверил, что Джейми Даркблайт, глупец, пытавшийся однажды соблазнить Зеленого дракона, в один прекрасный день будет беспокоиться о том, что пристрастится к грудному вскармливанию?

Отбросив свои первичные колебания, Джейми принялся за дело. Сначала он почувствовал легкий вкус женского соска, слегка облизывая его. В нем ощущалась невероятная сладость, которая не могла быть естественной. Джейми знал, что это так, потому что за свою жизнь он брал в рот довольно много сосков, и ни один из них не был таким восхитительным на вкус.

Он бы даже забеспокоился, если бы это было так. Однако соски этой женщины были именно такими. Они обладали пикантной, терпкой сладостью, как будто он кусал и сосал особенно вкусный апельсин, или, может быть, как будто он позволял своему рту погрузиться в мягчайший кусочек лимонного бисквита.

Инстинктивно он стал сосать, и появившееся молоко привело его в полное замешательство. Оно было невероятно насыщенным, густым и сладким. Он сразу же почувствовал себя обновленным, словно пил прямо из сказочного фонтана молодости. Энергия хлынула в каждую пору и каждый сосуд, а вкус заставил его язык просто кричать от желания добавки.

Он тут же остановился, услышав стон.

Он перевел взгляд на стоящую перед ним женщину. Он впервые обратил внимание на ее покрасневшие щеки, розовые уши и тяжелое дыхание. Еще более тревожным было то, что,

пока обе ее руки держали его, хвост оказался у нее между ног и совершал странные, похожие на поглаживания, движения по фартуку.

...Нет, этого не может быть.

Решив, что ему показалось, он продолжил сосать, но стоны стали чуть громче. Ее лицо разгорелось, а хвост стал двигаться взад-вперед по фартуку еще быстрее.

Что за чертовщина?

Ошеломленно подумал Джейми.

Она возбуждается от меня... от своего ребенка... который сосет грудь? Она мастурбирует... со мной... в своих объятиях... пока я сосу ее...

Конечно, ему была не чужда своя доля странных фетишей. Ему нравилось иногда играть с щупальцами, плетью, цепями и игрушками, и он был весьма любопытен в отношении ног. Он занимался этим с эльфами, гномами, табакси, драконорожденными и даже огненными генази, иногда группами, но это?

Он никогда не относился к людям свысока за их сексуальные наклонности, но в женщине, которая кормит грудью собственного ребенка, было что-то не совсем правильное.

Не помогало и то, что ее молоко было просто восхитительным, и какая-то часть его мозга просто отказывалась перестать пить и поглощать его, как пересохший человек, брошенный головой в реку. Тот факт, что он чувствовал себя вынужденным продолжать пить, почти заставил его подумать, что она...

Может ли это быть?

Он немедленно попытался сопротивляться внушению.

Инициализировано сохранение харизмы.

Перед глазами поплыли странные слова на общем языке, и он трижды моргнул, чтобы убедиться, что ему не мерещится.

Сохранение прошло успешно.

Так же быстро, как он подумал об этом, наваждение пропало, а слова исчезли. Сладость молока осталась, но всепоглощающее желание продолжать сосать покинуло его, и глаза женщины полностью расширились.

«О... Боже», - она отстранила его от соска, из которого все еще текла белая струйка, и подняла его на уровень своих глаз. «...Ты воспротивился маминой силе. Ты непослушный, непослушный маленький мальчик».

Ее улыбка становилась все шире и шире, почти искажаясь.

«То, что ты способен противостоять моим чарам, означает, что ты, по крайней мере, Высший класс», - наклонила она голову. «Ты, случайно, еще не догадался, как использовать свои способности инкуба?»

Опять?

«Попробуй соблазнить мамочку», - прошептала она. «Давай. Давай, сейчас же. Покажи мамочке, на что ты способен. Своди мамочку с ума».

Все стало вставать на свои места. Крылья, хвост в форме сердца, красные глаза с розовой дымкой. Сладость и неотразимость ее плоти и жидкостей в сочетании с экзотически чувственным телом.

Его мать была суккубом.

Это означало, что он переродился в инкуба.

А люди говорят, что судьба не обладает чувством юмора.

В свое время он сразился с изрядной долей суккубов. В свое время он также трахал некоторых из них. Их привлекал тот факт, что его отец, лорд Малфас, был архфиендой, так что для них он был, по сути, «принцем». Они часто спорили, что технически он должен быть полукровкой, а не тифлингом, и, вероятно, только благодаря тому, что чистая эльфийская кровь его матери сильно разбавила гены отца, он вообще смог родиться тифлингом.

Проведя достаточно времени за убийством или сном с манящими особями, он знал способности суккубов и инкубов изнутри и снаружи, чтобы не только очаровывать их воздействием, но и противостоять ему. Мать, державшая его на руках, казалось, чего-то ждала, и Джейми размышлял, стоит ли ему оправдывать ее ожидания.

В конце концов она покачала головой и выдохнула. «Нет, нет, Селена, успокойся. О чем ты думаешь? Ему всего два дня от роду. Каким бы гением он ни был, но уметь сразу использовать свои способности инкуба - это просто...»

Теперь у него есть её имя.

Селена.

Ему нравилось это имя.

Ну что ж, леди Селена, если вы хотите быть пораженной...

Будучи бардом, он научился накладывать чары на человека по желанию, но если его теория верна и он инкуб, независимо от того, насколько он молод, то ему должно быть под силу просто... наложить чары.

Он скорее почувствовал это, чем ощутил. Не было видимого луча света или эффекта от способности, но он сразу же почувствовал ее попытки сопротивляться воздействию. В ту же секунду он понял, что она потерпит страшную неудачу, и так оно и случилось.

Селена стояла с ним в обнимку, и Джейми мог поклясться, что ее зрачки превратились в сердечки. Он моргнул, проверяя, не мерещится ли ему, но это было не так. Селена быстро опустила его на землю и прикусила губу, в ее глазах появился дикий, почти голодный взгляд, и она поцеловала его в бок.

«О, Боже, ты был очень, очень, очень непослушным мальчиком».

Джейми был обеспокоен. Это совсем не было похоже на действие чар, как он их знал. Он сотни раз видел, как суккубы используют эту способность, и знал, что зачарованные существа

обычно становятся безэмоциональными и жесткими и подчиняются вербальным или телепатическим командам. Их зрачки не становились сердечками, и они не начинали бессмысленно пытаться совокупиться с тем, кто их очаровал.

Остановись.

Руки Селены замерли. Казалось, она не способна ни двигаться, ни реагировать, ни говорить. Глаза ее по-прежнему были сердечками, а выражение лица искажалось от крайней нужды, но Джейми был рад, что команды все еще действуют.

...Конечно, я не могу приказать ничего плохого.

Она будет помнить все события, произошедшие во время очарования, поэтому простая просьба предоставить ему информацию сразу же вызовет подозрения, как только она вернет контроль над своим телом и начнет интересоваться, почему ее двухдневный ребенок задает столько вопросов о понятиях, о которых он не должен иметь ни малейшего представления.

На мгновение Джейми подумал, не рассказать ли ей правду, что он на самом деле реинкарнированный тифлинг, который возродился из-за гнева старого волшебника.

Но он тут же отбросил эту мысль. Начнем с того, что она не была красивой. Ее душа была в первую очередь эгоцентрична и ориентирована на себя. Она воспринимала его как средство достижения цели, и разрушение этой иллюзии могло привести к тому, что она начнет ему не подчиняться. Несмотря на то что он мог использовать довольно впечатляющие способности к очарованию, он все еще оставался в форме ребенка.

Ему придется набраться терпения. По крайней мере до тех пор, пока он не начнет лучше понимать окружающую обстановку, свое окружение и свои способности. Большинство вещей можно было списать на природную любознательность ребенка, а некоторые - на выдающийся талант.

Он почувствовал, как действие чар, наложенных на Селену, начинает ослабевать, пока она боролась с ними. Через несколько секунд ее зрачки из сердечек превратились в обычные круглые, и Селена несколько раз моргнула, а затем взяла его на руки и прижала к груди.

«Идеально!» - кричала она. «Ты идеален! Это было самое хрестоматийное использование заклинания Обольщения, которое я когда-либо видела! Так естественно! Совершенная, безупречная натура».

Заклинание?

Джейми задумался. Может, у них тут все по-другому называется?

Тем не менее, это было тревожно. Насколько он знал, длительность Очарования должна была длиться как минимум целый день. А он продержался всего пять минут. Он не мог понять, было ли это еще одной странностью, или Селена от природы была невосприимчива, или дело в том, что он был слишком молод и его магия была слишком неразвита.

В прошлой жизни он был бардом сорокового уровня, и мысль о том, что придется заново учить все свои заклинания, несколько расстраивала его, но это было то, что он мог сделать еще раз.

Ради красоты этого мира...

Ради красоты его второй жизни.

Он сделает все, что потребуется, потому что ему не терпелось увидеть, какие формы красоты приготовило для него

<http://erolate.com/book/4398/158526>